

сих пор многие советские литературоведы некритически воспринимают теоретические положения Веселовского, стараются представить его как ученого, очень близкого к марксизму, и тем самым тормозят развитие советского литературоведения и фольклористики. Веселовский действительно поставил вопросы международных связей, но он совершенно игнорирует национальный момент. Буржуазный космополитизм присущ всем работам Веселовского. Апологеты Веселовского любят ссылаться на работу о Соломоне и Китоврасе, но эта работа типично компаративистская; ничего другого, кроме того, что славянские сказания заимствованы, в этой работе не вычитаешь. Веселовский ищет связующее звено между литературой Востока и Запада и находит его в лице Византии и славянского мира. Даже богумильство Веселовский рассматривает как принесенное в Болгарию какими-то мифическими восточными проповедниками. Своеобразие славянских литератур, их идейное содержание и история Веселовского не интересовали. Нельзя проходить мимо того факта, что Веселовский работал в то время, когда марксизм стал уже русским явлением, и что он сознательно противостоял марксизму. Одновременно с Веселовским над вопросами происхождения искусства работал Плеханов, который выводил искусство (правда, непоследовательно) из трудовых процессов. Веселовский же все время стоял на идеалистических позициях, литература у него определяется литературой же и все ее развитие сводится к комбинированию старых мотивов и сюжетов. Русские былины он рассматривает как сниженный отголосок византийской культуры, и может быть здесь надо искать источники теории Келтуялы. Снимая национальную специфику искусства, Веселовский тем самым толкал других более мелких ученых к признанию несамостоятельности русской культуры. Совершенно не ставился Веселовским вопрос об обратном воздействии литературы и фольклора на жизнь. Неверно утверждение, будто центром внимания Веселовского был народ. Как фольклорист он не мог не говорить о народе, но дальше буржуазного либерализма никогда не шел. Чернышевским и Добролюбовым вопрос о народе был поставлен в это время гораздо более четко и принципиально.

Подведение итогов обсуждения было перенесено на заседания Ученого Совета Института этнографии, посвященные вопросам фольклористики. (см. ниже обзор В. И. Чичерова).

В. К. Соколова

ОБСУЖДЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИЯХ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ ОСНОВНЫХ НЕДОСТАТКОВ И ЗАДАЧ РАБОТЫ СОВЕТСКИХ ФОЛЬКЛОРИСТОВ

Дискуссия по вопросу о недостатках и задачах советской фольклористики на открытых заседаниях Ученого совета Института этнографии привлекла большинство ведущих фольклористов и этнографов г. Москвы.

Заседание открыл директор Института проф. С. П. Толстов, во вступительном слове указавший на большие достижения, которыми вправе гордиться советская фольклористика. За тридцать лет советской власти развернулась грандиозная собирательская работа по всему Советскому Союзу, во всех советских республиках. Опубликовано сотни книг. Открыты для науки обширные, ранее совершенно неизвестные или в лучшем случае известные узкому кругу специалистов сокровища фольклора народов СССР. Собран гигантский материал. Собирательская работа зафиксировала расцвет устного народного творчества народов Советского Союза. Общеизвестно, каким вниманием партии и правительства, какой заботой советского государства были окружены мастера советского фольклора — наши выдающиеся сказители, народные поэты и исполнители. Ими созданы бесчисленные новые произведения советского фольклора, отражающие нашу социалистическую действительность, героическую борьбу и победы советского народа в дни гражданской войны, в дни мирного социалистического строительства сталинских пятилеток, в грозные героические дни Великой отечественной войны. В центре народного творчества народов СССР встали образы великих вождей партии, советского народа — Ленина и Сталина. Развитие фольклора в Советской стране развело созданную буржуазными учеными легенду об угасании фольклора, об исчерпании источников народного творчества.

Советская фольклористика не могла оставаться в стороне от этого грандиозного процесса возрождения народного творчества. В области советского фольклора сделано немало. Советские фольклористы не только собирали фольклор так, как никогда не собирали его фольклористы предшествующих поколений, не только открыли неизвестные области фольклора в Советской стране и фиксировали то новое, что появилось в нашем фольклоре в связи с эпохой возрождения народного творчества;

они прошли большой путь методологического перевооружения, борьбы со старыми буржуазными теориями фольклора — борьбы трудной, развивавшейся в сложных условиях, борьбы, на которую наложили свой отпечаток появлявшиеся и в советское время различные антимарксистские теоретические извращения в области литературоведения, этнографии и фольклористики. Перелом в истории советской фольклористики был связан с рядом исторических выступлений величайшего пролетарского писателя Максима Горького. Его выступления и статьи определили поворот в развитии советской фольклористики, отход от пережитков формализма, буржуазного социологизма и других антимарксистских теорий и тенденций, широко распространенных в нашей фольклористике 20-х и начала 30-х годов.

Однако, несмотря на все бесспорные достижения нашей фольклористики, не все еще обстоит в этой области так, как нам этого хотелось бы. Мы не имеем никаких оснований успокаиваться на достижениях и успехах, ибо наряду с достижениями и успехами в нашей фольклористической работе есть немало существенных недостатков.

За последние два года мы имели целый ряд важнейших партийных решений и руководящих указаний партии по вопросам идеологической работы. Мы все помним исторические постановления партии по вопросам литературы, театра и кино, постановления, которые приковали внимание к вопросам необходимости борьбы с низкопоклонством перед иностранной, борьбы за чистоту марксистско-ленинской теории, за боевой наступательный дух советского искусства и советской культуры в целом. Летом прошлого года развернулась философская дискуссия о книге акад. Александрова. Выступление товарища Жданова на этой дискуссии явилось важнейшим руководящим указанием не только для философов, но и для всех работников идеологического фронта: для историков, этнографов, литературоведов, для фольклористов. Оно показало, что в среде работников культурного фронта, несмотря на решения 1946 г., еще наблюдается забвение основополагающих принципов марксизма-ленинизма, принципов партийности науки. Наконец, совсем недавно мы имели решение партии по вопросам, связанным еще с одним участием науки и искусства, — по вопросам музыки. И эти вопросы, несмотря на свой казалось бы сугубо специальный характер, имеют непосредственное отношение опять-таки ко всему культурному фронту, а к этнографам и фольклористам в особенности, ибо что, как не забвение народных корней русской музыки, как не забвение лучших, веками созданных народом замечательных русских традиций, что, как не низкопоклонство перед иностранной, отразилось в деятельности некоторых композиторов и музыковедов, работающих в области народного музыкального творчества?

Наш Институт, как и все учреждения нашей страны, активно реагировал на эти решения и указания партии. Но все-таки мы должны признаться, что не все сделано нами для того, чтобы провести в жизнь, реализовать указания партии.

В частности, это выразилось в том, что мы с большим опозданием поднимаем вопросы о недостатках нашей фольклорной работы. А ведь за последние годы имел место ряд сигналов, показывающих, что в области фольклористики не все обстоит благополучно. Одним из таких сигналов был выход в свет книги проф. Проппа «Исторические корни волшебной сказки». Книга привлекла внимание этнографов и фольклористов. Мы все не могли не констатировать, что эта книга, несмотря на явное субъективное желание проф. Проппа, как пишет он в этой книге, приложить к фольклору методологию марксизма-ленинизма, на деле представляет собой возрождение традиций идеалистической фольклористики, опосредствующей литературные факты литературными же фактами или фактами религиозными, отрывающей развитие фольклора от материальной жизни. Вместе с тем мы не могли не обратить внимания на то, что книга проф. Проппа, посвященная анализу русской сказки, фактически полностью игнорирует ее национальную специфику, растворяет сказку в разнообразных всемирных фольклорных параллелях. И то и другое не могло нас не волновать. Мы не могли не чувствовать, что В. Я. Пропп находится под непосредственным и очень сильным влиянием, с одной стороны, нашего отечественного формализма 20-х годов, с другой стороны, — под влиянием идеалистической французской, так называемой социологической школы Дюркгейма и Леви-Брюля и так называемой финской школы в области фольклористики. Следует отметить, что в юбилейном сборнике Ленинградского университета была напечатана также статья проф. Проппа, посвященная специфике фольклора, где не только развиваются неприемлемые для нас положения в области определения фольклора, но дано и неверное определение этнографии. С точки зрения проф. Проппа задача этнографии сводится исключительно к изучению явлений первобытности, первобытной культуры, первобытного общества. Порочность методологии В. Я. Проппа была очевидной. Но фольклорный сектор Института отвечал на книгу проф. Проппа молчанием, проходил мимо его работ. Это молчание было связано с общими недостатками теоретической работы сектора.

Слушая некоторые доклады фольклористов, нельзя было не обратить внимания на чрезмерно широкое склонение во всех падежах слова «функция» и на довольно настойчивый воинствующий антиисторизм многих выступлений наших фольклористов и в первую очередь руководителя фольклорного сектора проф. П. Г. Богатырева. Это заставило обратиться к прежним трудам проф. П. Г. Богатырева, в большинстве

изданным за границей (во Франции и Чехословакии). Ознакомление с этими трудами, многие из которых носят методологический характер, и сопоставление с тем, что имело место в секторе фольклора, заставило прийти к выводу, что как методологические, так и конкретные работы проф. П. Г. Богатырева (и отчасти это оказало влияние на весь наш фольклорный сектор) развивают методологическую концепцию, которая никак не может быть признана приемлемой, которая ничего общего не имеет с принципами марксизма-ленинизма в применении к фольклору и этнографии. Наоборот, не только терминологически, но и по существу, так называемый функционально-структуральный метод, предложенный и в течение ряда лет пропагандировавшийся П. Г. Богатыревым, представляет собою своеобразное отражение на нашей почве методологии так называемой функциональной школы современной зарубежной этнографии, популярной главным образом в англо-саксонских странах. Можно поверить проф. П. Г. Богатыреву, что здесь нет прямого заимствования у основоположника этой теории Малиновского. Вовсе не обязательно опираться непосредственно на высказывания того или другого автора и отправляться от их работ, чтобы быть их последователем. Функционализм сейчас пропитывает всю научную атмосферу в этнографических кругах на Западе и оказывает крупное влияние на деятельность международных конгрессов в области этнографических и антропологических наук, постоянным участником которых бывал П. Г. Богатырев. В самом деле, сопоставление функциональной школы и функционально-структурального метода показывает, что у них общая основа: тот же отказ от исторических обобщений, тот же отказ признать фольклорные и этнографические материалы историческим источником. В работах П. Г. Богатырева имеется отрицание категории пережитков, т. е. то, что является одним из основополагающих принципов функциональной школы Малиновского. Отрицание категории пережитков влечет за собой уничтожение роли этнографического и фольклорного материала как исторического источника. Задачи этой «школы» и этого «метода» сводятся к фиксации современного бытования явлений, вырванного из исторического контекста.

Большое дело, которое было проведено фольклорным сектором Института этнографии, — созыв всесоюзного совещания по фольклору Великой Отечественной войны, — дало чрезвычайно много нового и важного. Но вместе с тем проведение совещания показало неумение наших фольклористов поднять большие принципиальные вопросы. В докладах фольклористов нередко проблема бытования, проблема исполнения заслоняли значение фольклорных произведений как таковых, их идейного содержания, их эстетических особенностей как художественных произведений. Фольклористы не обращали надлежащего внимания на раскрытие того качественно нового, что внес в народное творчество новый этап в истории нашего народа. Это не относится поголовно ко всем выступлениям; на совещании были действительно замечательные выступления, были прекрасные доклады, но тем не менее, как подчеркивал целый ряд выступавших и как пришлось в конце подытожить в заключительном слове, большие теоретические проблемы не были поставлены, и значительная часть ответственности за это падает на фольклорный сектор Института. Сектор фольклора — организатор совещания — сам не ставил больших теоретических и исторических проблем фольклористики.

Одной из предпосылок неудач в работе сектора фольклора явилось отсутствие в нем критики и самокритики.

Надо отметить, что еще один крупный факт, волновавший нашу — в первую очередь литературную — общественность, оказался вне поля зрения нашего фольклорного сектора, а между тем это факт огромного принципиального значения. Это пересмотр и оценка концепции А. Н. Веселовского. Жизнь показывает, что это не только историографическая проблема. Это проблема жгучей современности для наших фольклористов, ибо традиции Веселовского чрезвычайно сильно сказываются в работах наших ученых. Взгляды А. Н. Веселовского на происхождение устного творчества и пресловутая теория первобытного синкретизма, его взгляд на развитие фольклорных сюжетов сплошь и рядом находят свои отголоски в работах, выходящих в наши дни. А между тем, что представляет собою концепция Веселовского? В сущности говоря, перед нами, с одной стороны, эволюционный психологизм или психологический эволюционизм. Перед нами ученый, продолжающий традиции в основном Спенсера, Тейлора в области разработки проблем происхождения фольклора на первобытном этапе его истории. В области исторического периода развития фольклора (в узком смысле этого слова) Веселовский стоял на позициях школы заимствования, причем эти два, иногда резко борющихся между собою направления довольно остроумно соединены Веселовским в единую концепцию. Но от этого они не утрачивают своего неприемлемого для нас антимарксистского характера. Тот факт, что наши фольклористы своевременно не отмежевались от концепций Веселовского, понизил вообще уровень теоретической работы в области фольклористики.

Во вступительном слове к предстоящему обсуждению вопросов нельзя исчерпать всех недостатков и недочетов работы, всех проявлений низкопоклонства перед новейшими буржуазными теориями, которые имеют место в нашей фольклористике. Можно, пожалуй, привести только еще один пример. До сих пор в нашей фольклористике остаются нераскритикованными некоторые работы проф. М. К. Азадовского, например его работа об источниках сказок А. С. Пушкина, где совершенно в духе

тенденций, которые развивались в литературоведении в начале 30-х гг., все фольклорное наследие Пушкина в области сказки сводится к сборнику Гриммов и к другим книгам зарубежных авторов. Правда, в последующих своих работах М. К. Азадовский значительно изменил свою позицию в этом вопросе, но тем не менее в своей книжке «Литература и фольклор» он считал необходимым перепечатать и эту работу (хотя в первой статье указанного сборника он в основном дает правильную концепцию отношения Пушкина к фольклору). Следовательно, и эти вопросы не утратили еще своей актуальности.

Все эти факты заставили нас после того, как уже больше месяца назад Институт этнографии на Ученом совете заслушал отчет проф. Богатырева о проведении фольклорного совещания (а дирекция заслушала еще до этого годовой отчет проф. Богатырева о работе сектора), поставить вопрос о необходимости разработать программу критической работы фольклорного сектора, предложить фольклорному сектору заняться большими теоретическими проблемами, подвергнуть критике все явления, связанные с некритическим восприятием как наследства отечественной буржуазной науки, так и влияния зарубежных реакционных школ. Результатом этого явился имевший место за последние месяцы ряд заседаний фольклорного сектора, на которых подверглись широкому обсуждению и книга проф. Проппа, и работы проф. Богатырева, и вопрос о Веселовском и его вредном влиянии на советских фольклористов и этнографов. Как бы опираясь на эту работу, мы и думаем сейчас обсудить эти вопросы среди более широких кругов этнографов и фольклористов. Обсуждение указанных вопросов имеет отношение не только к фольклору, но и к этнографии. И в этой области имеются определенные сигналы, показывающие, что влияние идеалистических зарубежных и отечественных течений, которые могут быть отмечены в фольклористике, имеют место и в этнографической работе. Надо надеяться, что товарищи, которые выступают на нашей дискуссии, поставят вопросы не только фольклорные, но и относящиеся к области этнографической науки, и можно быть уверенным, что мы сумеем с большой пользой для дела обсудить эти вопросы и положить основание как для улучшения работы нашего фольклорного сектора, так и для усовершенствования работы всего нашего Института.

И. И. Потехин (Институт этнографии) в начале своего выступления остановился на значении фольклора как одного из сильных средств идеологического воздействия на широкие народные массы. Фольклористы должны помнить, что в их руках фольклор должен стать средством коммунистического воспитания советского народа. Фольклор — художественное творчество трудового народа, близкое и понятное всем и каждому по форме и содержанию. Воздействие фольклора на народ исключительно велико. Фольклористы не могут заниматься только фиксации произведений народного творчества и изучением его в тиши кабинетов, они обязаны вмешиваться в самые процессы, совершающиеся в искусстве народа, направлять их, помогать народу в его творчестве. Очень важна и ответственная работа над изданием фольклора. Это далеко не всегда осознается нашими товарищами, публикующими в научно-популярных книгах идейно неполноценный, а иногда прямо враждебный сознанию советского человека материал (пример: в научно-популярном сборнике «Русские сказки Карелии» издана — первой по порядку — сказка-былина «Женитьба Святогора», основная идея которой фаталистична и враждебна нам; эта сказка утверждает: от судьбы не уйдешь). Научно-популярные издания надо готовить как книги идейно направленные, содействующие воспитанию и росту сознания советских людей. Фольклористы должны оказывать помощь в работе культурно-просветительных учреждений, дать материалы и руководство в работе по фольклору политпросветработникам. У фольклористов есть прекрасное наследство революционных демократов и А. М. Горького. Надо, сохраняя их традиции, идти дальше, по пути освоения марксистско-ленинской методологии. Этого не делают некоторые фольклористы, предпочитая плестись на поводу у западноевропейских позитивистов.

Проф. Пропп переносит в нашу науку вредные концепции Леви-Брюля и других буржуазных социологов, искажает историческую сущность волшебных сказок, вытравливает в них национальные особенности. Из русской сказки тщательно вытравливается «русский дух», все рассматривается с позиций буржуазного космополитизма. В книге В. Я. Проппа вообще нет ни народа, ни исторической эпохи. Существует какое-то абстрактное первобытное общество. Проф. Пропп за основу исследования берет форму, игнорируя содержание. Это порочная, вредная книга. Фольклористы не имеют права оставлять ее без оценки. Фольклорный сектор Института этнографии должен был своевременно ее осудить, но он этого не сделал, так как в самом секторе далеко не все благополучно. Руководитель сектора проф. П. Г. Богатырев сам стоит на ошибочных позициях. Он предлагает изучать не фольклор, а функции фольклора. По теории П. Г. Богатырева, вещи, предметы, произведения фольклора — комплекс функций. Функции образуют структуру; структура находится в состоянии равновесия. Усиление одной функции вызывает ослабление другой, новая функция «выталкивает» старую и т. д. Когда же обращаешься к П. Г. Богатыреву с вопросом: что же такое функция? — он не может дать четкого ответа. В методе, предлагаемом П. Г. Богатыревым, реальные вещи исчезают, остаются только функции. Такой метод не имеет ничего общего с методом диалектического материализма. Идейный источник функционально-структурального метода ясен: он близок к источнику функциональной

школы Малиновского — он основывается на идеализме. Проф. Богатырев до самого недавнего времени не знал работ этой школы и не может быть назван учеником Малиновского. Но это не уничтожает самого факта: близкого родства функционально-структурального метода Богатырева и функциональной школы Малиновского. Функциональная школа также рассматривает каждое явление, род, племя и т. п. как комплекс функций и изучает не само явление, а функцию. И так же, как П. Г. Богатырев, Малиновский не может дать определения функции. Так же характерен антиисторизм в исследованиях. П. Г. Богатырев должен понять порочность своего метода, основанного на идеалистических буржуазных концепциях, существующих в современной западноевропейской науке. Чем скорее П. Г. Богатырев откажется от функционального метода, тем будет лучше и для него и для науки.

В. И. Ч и е р о в (Институт этнографии) в своем выступлении указал, что фольклористика действительно не поднялась на должную методологическую высоту. Многие работы советских фольклористов до сих пор не освободились от формалистических тенденций, а некоторые прямо стоят на позициях формализма. Формализм, вскрытый в области творческой работы композиторов и музыковедов и вызвавший постановление ЦК ВКП(б) об опере В. Мурадели «Великая дружба», в равной мере присущ фольклористике. В связи с этим особое значение приобретает борьба с традициями Веселовского, как духовного отца формализма в области литературоведения и фольклористики. Веселовский, как позитивист, формально и идеалистически рассматривал факты искусства. В его работах нет живого конкретного народа, есть абстрактная схема эволюции человечества. Позитивизм Веселовского естественно связывается с буржуазным объективизмом. Веселовский в сущности отказывается от анализа художественного образа, как воплощения идеи. Произведения, выхваченные из конкретной исторической обстановки, подвергаются формалистическому анализу. Все внимание сосредоточивается на схеме сюжета и составных элементах его, на мотивах, формулах, Веселовского и его последователей интересуют не идейность произведения, а пути странствий сюжетов, мотивов, формул. Самые произведения понимаются как некие организмы, развивающиеся в себе и порождающие себе подобные; они живут самостоятельно, вне связи с историей народа и классовой борьбы. Наиболее резко формализм Веселовского выразился во 2-й части «Исторической поэтики», которая явилась одним из основных истоков формалистического направления в послеоктябрьской науке. Многие формалисты 20-х гг. (например, В. Б. Шкловский, В. М. Жирмунский, Р. М. Волков и др.) выступали против положений «теории самозарождения» и «теории заимствования», имевших место в работах Веселовского. Но их «отказ от Веселовского» был по существу признанием его как родоначальника формалистических изысканий и утверждением чистого формализма. Требование установить, «что в сказке относится к форме», «на основании сюжетных схем выделить те мотивы, из которых по тем или другим композиционным приемам слагаются сюжетные схемы», применить «структурный метод» к фольклористике (см. Р. М. Волков, Сказка, 1924) и другие, подобные им, обусловлены теорией и методом А. Н. Веселовского. Формалисты (В. Я. Пропп, Р. М. Волков, В. Б. Шкловский и др.) не отрицали законности постановки вопроса о генезисе произведения, но отрицали возможность исторического подхода к фольклору. Формалистика 20-х годов, продолжающая и развивающая работы А. Н. Веселовского, являлась материнским лоном и для функционально-структурального метода П. Г. Богатырева. Его метод имеет все характерные черты формалистической фольклористики: отсутствие идейного анализа произведения, антиисторизм (метод «статистический» противопоставляется методу историческому, прямо или косвенно отрицается возможность исторического анализа фольклора), требование изучать «структуру функций» (в сущности, вариация структурного анализа Р. М. Волкова; П. Г. Богатыревым структура произведения рассматривается как механическое соединение сосуществующих функций).

Что касается В. Я. Проппа, то программа его «Исторических корней волшебной сказки» дана в его насквозь формалистической работе «Морфология сказки». В 20-х гг. В. Я. Пропп говорил о двух планах изучения сказки: генетическом и современно-формальном. Если в «Морфологии сказки» Пропп дал образец формалистического разложения сказки, записанной в наше время, то в «Исторических корнях...» он сделал попытку применить тот же формалистический метод к проблеме возникновения сказочного эпоса. В. Я. Пропп создает несуществующую абстрактную схему сказочного сюжета; затем он создает так же несуществующую абстрактную схему обряда и, сравнивая изобретенные им схемы, заявляет: волшебная сказка порождена обрядами инициации и похорон. Это формализм чистой воды. Все сводится к абстракции, лишенной исторического осмысления, к попыткам установить несуществующие единицы отвлеченных типов произведений и обрядов, к арифметическому сложению их и формальному сопоставлению. Со всеми этими и подобными им вывращениями формализма в нашей науке должна идти решительная борьба. Это наследие либерально-буржуазной фольклористики, которое нам глубоко враждебно и мешает движению вперед.

Е. В. Г и п п и у с (Институт этнографии). Несмотря на путь напряженной борьбы, который прошла советская фольклористика за 30 лет, несмотря на огромное влияние на становление советской фольклористической школы взглядов Горького, в особенности в той развернутой форме, в которой они были высказаны в его выступлении

на съезде советских писателей, марксистская теоретическая концепция фольклористики, выдвинутая Горьким, до сих пор не стала фундаментом нашей теоретической работы. Движению по инерции позитивистских научных тенденций, определивших развитие нашей науки в 20-х гг., до сих пор не положен предел. Больше того, во время войны это движение активизировалось, и теоретическая перестройка науки, начавшаяся после выступления Горького, была приостановлена. До сих пор еще не все поняли, что для истории советской фольклористики генеральной теоретической линией является линия Белинского, Добролюбова, Чернышевского, классиков марксизма и Горького — ибо именно она идейно определила развитие науки — и только во вторую очередь линия академической фольклористики в лице Буслаева, Афанасьева, Вс. Миллера и др. Главным, основным пороком современной фольклористики является продолжающееся движение по позитивистскому пути, для которого типично снятие методологических вопросов в философском смысле и отсюда, как естественный результат, отказ от метода диалектического материализма. Следствием этого надо считать подмену основных методологических вопросов частными методическими, значение которых раздувается до значения основных, и узкую специализированность эмпирического характера, — типичную для позитивистской науки, которая строит классификацию науки по принципу размельчения специализаций. Фольклорная организация Москвы и Ленинграда вела последние годы тихую и мирную жизнь заслуживая и обсуждения научных докладов, в которых обходились основные принципиальные теоретические проблемы. Поскольку доклады эти не содержали исторических обобщений и обнаруживали нередко полнейшую теоретическую беспомощность, а прения сводились к вопросам частного и методического характера, заседания эти посещались только узким кругом фольклористов и не привлекали внимания ни этнографов, ни историков, ни литературоведов, ни музыковедов, ни писателей, ни композиторов.

Основной, самый главный недостаток фольклористической работы Москвы и Ленинграда за последние годы — отсутствие острой партийной критики и самокритики.

Для того чтобы двигаться вперед, необходимо постоянно отдавать себе отчет о теоретических ошибках, которые были допущены каждым из нас в своих ранних работах.

Основными недостатками нашей науки являются все ещё не изжитые позитивистские, антиисторические, антимарксистские установки, которые находят свое выражение в следующем:

1. Позитивистская постановка проблемы взаимодействия личного и массового творчества, которая приводит на практике к ницшеанской постановке вопроса о личном творчестве, недооценке роли массового творчества и игнорированию единственно правильного решения этой проблемы на основе ленинского понимания роли личности в истории.

2. Позитивистская постановка вопроса об историческом соотношении фольклора и литературы в плане изучения одностороннего влияния литературы на фольклор, т. е. непонимание того, что это процесс двусторонний, что фольклоризация каждого литературного произведения обуславливается его фольклорными истоками в идейном, а не формальном смысле. Между тем, этот вопрос ставится в духе немецкой теории снижения культуры Джона Майера и Ганса Наумана (хотя после проведенной критики высказываний Ганса Наумана, — не в столь открытой форме; в завуалированной форме теория Ганса Наумана протаскивается в критических работах последнего десятилетия; напомним статью В. М. Жирмунского в сборнике памяти С. Ф. Ольденбурга и то, как отразились эти вопросы на теоретических дискуссиях о «Богатырях» в ведущих институтах Москвы и Ленинграда).

3. Позитивистское формальное понимание горьковского тезиса о фольклоре, как о творчестве трудового народа, что выражает невнимание к оценочному идейному, этическому и эстетическому критерию.

4. Снятие проблемы генезиса и подмена этой проблемы изучением эволюции фольклорных фактов на доступном наблюдению отрезке времени.

5. Отказ от изучения фольклора как исторического источника.

6. Формалистическое мышление (характеризуемое непониманием определяющего значения идейного содержания) и исследования, в которых основным объектом остается формальный факт. Формализм в чистом виде — стадия, которую мы уже прошли. Однако формализм в завуалированном виде сохраняется в некоторых наших работах до сих пор и находит свое отражение в исследовании формальных фактов, сопровождаемом тщательным описанием условий их бытования (как это делает проф. К. В. Квитка), или находит себе выражение в функционально-структуральном методе П. Г. Богатырева. Это очевидно и на примере непонимания формалистической сущности концепции Веселовского Проппом и др.

Наконец, надо указать на неверное освещение позитивистского периода в истории фольклористики М. К. Азадовским. Азадовскому принадлежит несомненная заслуга введения в историю фольклористики имен Добролюбова и Чернышевского. Однако М. К. Азадовский ставит вопрос о Добролюбове узко, сводя все дело к его высказываниям, непосредственно касающимся фольклора и проблемы народности, тогда как нужно говорить об эстетических взглядах Добролюбова и Чернышевского в целом. М. К. Азадовский ставит акцент не на высказываниях Добролюбова и Чернышевского об идейном содержании, а на высказываниях по вопросу изучения

фольклорных фактов в связи с условиями их бытования. Это позволяет легко вывести из Добролюбова все русское позитивистское сказковедение и былиноведение, что совершенно неверно.

Постановка во всей полноте давно наболевших теоретических вопросов крайне своевременна. Большая заслуга нашего Института в том, что это сделано по его инициативе. Можно с полной уверенностью сказать, что наши теоретические дискуссии имеют огромное значение, так как они являются началом подлинного освоения теоретического наследия революционных демократов и, что особенно важно, — учения Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина.

Будем надеяться, что эти дискуссии помогут нам разработать основы советской фольклористики не только в ее общетеоретических контурах, как было до сих пор, но и в развернутой форме.

Л. П. Потапов (Институт этнографии). В Советском Союзе созданы все условия для научно-исследовательской работы, и научные работники, являющиеся активными участниками социалистического строительства, обязаны с полным сознанием ответственности бороться за прогресс и свободу в последней схватке с миром мракобесия и насилия. Наши работы должны отличаться высокой идейностью, быть марксистски выдержанными. Поэтому мы должны строго и критически относиться к себе и к нашим товарищам, помогать в выправлении существующих недостатков и беспощадно выкорчевывать существующие пороки и вредные теории. Идейно чуждые теоретические позиции мешают идти вперед. Учитывая это, надо подходить и к разбору книги В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки». В. Я. Пропп в этой своей книге адресует к этнографам, считая, что только они его поймут в полной мере. Этнографы, действительно, его поняли; они поняли, что книга Проппа вредная, идеалистическая, утверждающая взгляды французской буржуазно-социологической школы. В. Я. Пропп стоит на антиисторических позициях и открыто проповедует формально-типологический метод. Цитаты из Маркса и Энгельса, данные в начале книги, — только прием для прикрытия позиций автора и никакой связи с методологией автора книги не имеют. Для Проппа безразличны исторические и национальные особенности исследуемого материала. Все богатство, разнообразие и красочность русской народной сказки сводятся к двум пресловутым комплексам: к комплексу посвящения и комплексу загробного мира. Вся идейная сторона сказки автора не интересует. Отняв у нее самое ценное: живое, идейное, народное содержание, В. Я. Пропп умертвил нашу русскую сказку. В. Я. Пропп в одном месте книги заявляет, что сказка выходит из обряда; в другом месте он утверждает, что она произошла из мифа. Из мифа, из шаманского рассказа, из обряда он выводит героический эпос; с возникновением феодальной культуры фольклор становится достоянием господствующих классов и на этой базе создается эпический цикл. В. Я. Пропп, таким образом, стоит на давно устаревших, обветшалых позициях так называемой исторической школы, которая считала, что героический эпос может развиваться только с эпохи феодализма и является достоянием феодалов. В. Я. Пропп глубоко ошибается в своей теории циклизации эпоса. Циклизация существовала еще задолго до феодализма. Общеизвестно, что народы, не прошедшие феодального пути, имеют героические циклы. Примером может служить сохранившийся на Алтае цикл Джангар (отличающийся от известного Джангра), в котором циклизация идет по линии родства. У Джангара два сына; у них в свою очередь сыновья. О каждом есть свое эпическое повествование. И все вместе они составляют единое целое.

Проф. Пропп отрывает народное творчество от конкретных условий жизни и от истории народа и выступает как формалист. Это достаточно ясно показал спор о шорском фольклоре, имевший место на открытом заседании в Ленинградском университете. В шорском фольклоре есть две струи. Одна — охотничьи рассказы и легенды, отражающие жизнь пеших охотников-звероловов — реликта древней культуры Северной Азии. Другая — героический эпос, разветвляющийся действия не в заболоченной тайге, не в узких долинах среди высоких гор, а на степных просторах у подножья гор, где ханы владеют огромными стадами скота, ведут из-за них войны, угнетают народ; в этом эпосе отображен быт настоящих скотоводов-кочевников. В. Я. Пропп объясняет наличие у шорцев героического эпоса тем, что у них с XVIII в. появилось скотоводство. При этом Пропп не обращает внимания на характер скотоводства, проникающего к шорцам в XVIII в. Самый же характер шорского скотоводства XVIII — XIX вв. не соответствует тому, что мы имеем в известной нам форме героического шорского эпоса. В. М. Жирмунский на этом же заседании предложил свое объяснение. Он вывел героический эпос из отдаленной древности, заявив, что шорцы были сначала степными скотоводами, а потом стали пешими охотниками. Такая «история наизворот» вызвала только улыбку. И то и другое объяснение базируется не на действительных процессах истории народа, а на произвольных формальных сопоставлениях и выдумках В. Я. Проппа и В. М. Жирмунского. Наличие в шорском фольклоре героического эпоса объясняется этногенезом шорцев, в котором активно участвовали тюрко-монгольские кочевники. Телеуты вошли в состав шорских родов, смешались с ними. Фольклор не приходит откуда-то со стороны, а создается народом в процессе его формирования. Раскрыть генезис и историю фольклора вне исторических судеб каждого народа невозможно, а проф. Пропп не хочет этого понять и, в лучшем случае, ограничивается только формальным об-

ращением к народу и его истории. Фольклор — ценнейший исторический источник и должен широко привлекаться при исследовании вопросов этногенеза. На это все мы должны обратить внимание и, разрабатывая проблемы этнографии, использовать фольклор, но при этом надо работать методом, прямо противоположным методу В. Я. Проппа. Проф. Пропп правильно упрекает этнографов в слабом знании фольклора. Мы должны овладеть этим материалом. Но и фольклористы должны овладеть этнографией. Не мешало бы это сделать и проф. Проппу, который в области этнографии просто неграмотен.

В. Я. Пропп должен осознать свои ошибки и пересмотреть свои взгляды, постараться освоить метод диалектического материализма, который до сих пор ему остался совершенно чуждым.

П. И. Кушнер (Институт этнографии). Значение фольклора как средства идеологического воспитания очень велико. Это правильно отмечали т. Потехин и другие выступавшие товарищи. Фольклорный сектор Института должен был бы помнить об этом, но, к сожалению, забывает эту важную и простую истину. В результате и получилось, что подготовленный под руководством П. Г. Богатырева сборник «Славянский фольклор» оказался настолько слабым, что в таком виде, как он представлен, не может быть издан. Единственная работа сборника, вполне удовлетворяющая требованиям, принадлежит Н. И. Кравцову и посвящена сербскому эпосу. Причины неудачи с подготовленным к печати сборником «Славянский фольклор» лежат в методологической слабости фольклористов. Методология В. Я. Проппа не является исключительно его достоянием. Она только сильнее и ярче выявляет недостатки, общие в фольклористике. Фольклористические работы заняты формалистическим рассмотрением мотивов, сюжетов, жанров, но отнюдь не идейной стороны народного искусства. Часто допускаются такие вопиющие ошибки, как отрыв «генетики» от истории. Теоретическое обоснование такому отрыву дал В. Я. Пропп в своей статье «Специфика фольклора» («Труды юбилейной научной сессии Ленинградского Гос. ордена Ленина университета», Л., 1946). Генезис, оторванный от истории, дает Проппу возможность брать материал откуда угодно, руководствуясь внешним сходством мотива или сюжета. Это одно из выявлений чистого формализма. В. Я. Пропп неправильно понимает этнографию. Он, как видно из его работы, не признает этнических особенностей и их исторического развития. В своих «Исторических корнях волшебной сказки» Пропп выступает глашатаем буржуазного космополитизма. Пользуясь допущенным им отрывом генезиса от истории и пониманием генезиса как внеисторической категории, он получает возможность делать формалистические соединения, например, австралийского и русского фольклора. Уничтожается конкретная историческая и географическая обстановка, и реальный мир, реальная природа превращается в абстракцию, в условные знаки «царства мертвых» и т. п. (ср. также выведение из обряда инициации сказки о Бабе-Яге, пытающейся съесть детей, и т. д.). У Проппа неправилен не только его метод; у него неправильно мировоззрение. Мировоззрение уводит его от материалистического объяснения к магическому, религиозному. В этом В. Я. Пропп также не одинок. Он следует в этом за Дюркгеймом и Леви-Брюлем. Магические объяснения тесно связаны с теорией дологического мышления, с отрицанием причинно-следственных связей в мышлении первобытных людей и тому подобными мудрствованиями. Теория Леви-Брюля вообще оказала большое влияние на научных работников, и не только на фольклористов, но и на литературоведов, на языковедов. Большое влияние ее увеличивает ее вред и делает настоятельную борьбу с ней. В упомянутом сборнике «Трудов юбилейной научной сессии Ленинградского университета» напечатана статья проф. А. П. Рифтина «Основные принципы построения теории стадий в языке» (стр. 19—29). В этой статье утверждается то же, что у Проппа: цели и действия, причины и следствия, пространство и время «в первобытное время» отсутствуют. Заявляя об этом, А. П. Рифтин искажению изображает мышление людей, вычеркивает из мышления и причинность, и три основные формы ассоциаций: по смежности, по сходству, по контрасту. Отличия мышления первобытных людей и современников изображены ложно. Надо помнить, что отличие современного мышления от примитивного только количественное, а не качественное. Лингвисты, принявшие теорию Леви-Брюля, явились соратниками В. Я. Проппа и так же, как и он, пропагандируют вредные идеи с университетских кафедр. Мы должны на это обратить особое внимание и не допустить, чтобы подготавливаемая научная смена — студенты и аспиранты, только овладевающие методом диалектического материализма, — воспитывались на пропаганде порочных идей буржуазной социологической французской школы. Задача фольклористов, этнографов, лингвистов, всех научных работников разоблачить и уничтожить порочные концепции, продолжающие жить до сих пор.

П. Г. Богатырев (Институт этнографии) в начале своего выступления высказал глубокое удовлетворение тем, что в дискуссии по вопросам фольклора участвуют не только фольклористы, но и этнографы. Участие в творческих дискуссиях фольклористов, этнографов, лингвистов, литературоведов всегда плодотворно и содействует развитию разных наук. Основная часть выступления П. Г. Богатырева была посвящена вопросам работы в области современного фольклора, в частности фольклора Великой отечественной войны. П. Г. Богатырев указал, что Институт этнографии в этой области провел значительную работу, организовав сбор фольклора

и сосредоточив на современности основное внимание сотрудников сектора. Современный фольклор характеризуется тем, что он является достоянием всего советского народа. Это приводит к сближению фольклора и литературы. Одной из важных задач является задача показать историю советского фольклора и выявить специфику каждого ее периода. Необходимо тщательно изучать процессы совместного творчества братских народов СССР. Пожелания об установлении и укреплении связей с широкими кругами любителей фольклора и специалистов, работающих на периферии, полностью соответствуют планам работы фольклорного сектора Института. Несомненно, что в области методологии должна проводиться серьезнейшая работа. Надо изучить наследство революционных демократов, о чем правильно говорил Е. В. Гиппиус, и работать над освоением диалектического материализма. Работа В. Я. Проппа привлекает к себе внимание темой, взятой для исследования. Генезисом сказки давно никто не занимался. Но эта работа не может нас удовлетворить, так как в ней факты взяты вне обстановки, в которой они создавались. В. Я. Пропп не привлек в своем исследовании славянского фольклора, некоторые моменты фольклора неправильно приурочил к слишком далекой древности, выводит русскую сказку из обрядов древнего мира.

Функционально-структуральный метод, подвергнутый на дискуссии детальной критике, не связан в своих истоках со школой Малиновского. Тем не менее он требует пересмотра. Многие высказанные замечания заставляют задуматься над рядом положений. Разрабатывая этот метод, разумеется, не было стремления оторвать фольклор от истории. Историзм оказался невыявленным из-за чрезвычайной сложности исторического анализа фольклора. Слово «функция» крайне неудачно; его надо было бы заменить каким-то другим (может быть, словами: роль, задача и т. д.). Признавая ошибочность многих положений функционально-структурального метода, надо указать на положительные черты в нем: четкость и разработанность методики полевой работы. Эта методика исходит из практики работ двух комиссий, известных в истории русской науки: Московской диалектологической, возглавлявшейся Д. Н. Ушаковым, и Комиссии по народной словесности. Истоки ошибок функционально-структурального метода на этой дискуссии были указаны совершенно верно В. И. Чичеровым. Предложенный метод действительно развивает и усложняет теорию формалистов-литературоведов 20-х гг. и через нее восходит к работам А. Н. Веселовского. Некоторое влияние на разработку этого метода оказали также Леви-Брюль и другие ученые. Было бы нечестно сказать, что в результате дискуссии все сразу прояснилось и ошибок больше не существует. Надо много и серьезно работать над собой и бороться за овладение подлинно научным методом анализа фольклора.

М. М. Кузнецов (Академия общественных наук). Проведенное фольклорным сектором Института этнографии обсуждение книги В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки», теории А. Н. Веселовского и функционально-структурального метода П. Г. Богатырева вскрыло существенные пороки в работе ряда ведущих советских фольклористов и указало пути к их преодолению. Сделана большая и нужная работа, помогающая фольклористике подняться на новую ступень. В связи со сказанным выступление на Ученом совете П. Г. Богатырева не может удовлетворить. П. Г. Богатырев говорил или по частным вопросам или по связи с главными вопросами, но не дал анализа допущенных ошибок, не был достаточно самокритичен к себе и не отнесся критически к другим. Характерно, что В. Я. Проппа П. Г. Богатырев критикует по частным (правда, существенным) вопросам, но не указывает, что Пропп, встав под знамя Веселовского, вместе с тем оказался в плену у западноевропейских идеалистов. Пропп остается всецело на позициях старой буржуазной науки, и поэтому его книга враждебна нам. Надо отрешиться от вредных традиций и смело строить новую науку. Перед фольклористами стоят большие и ответственные задачи; одной из самых очередных, неотложных из них является задача раскрыть мировоззрение народа, анализируя фольклорный материал. История русской философии не может быть построена без использования фольклора. Проспект будущего труда по истории философии, подготовляемого Институтом философии, указывает на фольклор, как на материал для нее. Фольклористы должны обратиться к этим проблемам и сосредоточить силы на работе в данной области. До сих пор фольклористы только дорабатывают темы, начатые разработкой старыми учеными. Надо бы перейти к постановке новых проблем, надо прокладывать новые пути, отказавшись от традиций буржуазной науки, которые еще продолжают скрывать даже крупнейших фольклористов. Это видно не только на работах В. Я. Проппа, но и на работах М. К. Азадовского, в частности на постановке им проблемы: литература и фольклор. М. К. Азадовский, вслед за А. Ахматовой, говорит, что источником знаменитой пушкинской сказки о золотом петушке послужил рассказ Ирвинга (см. «Рассказы Альгамбры»). Общность сказок Пушкина и Ирвинга можно обнаружить, однако, только при условии выхолащивания из них идейного содержания, при создании абстрактной схемы сюжета, т. е. встав на путь идеалистического формализма. Метод указания таких аналогий, какой находим в данной работе М. К. Азадовского, почти совершенно не раскритикован фольклористами. Он родился на почве некритического отношения к наследству буржуазного литературоведения, когда обоснование идеологии искали в идеологии же. С этим откровенным, чистейшей воды идеализмом надо покончить. Острая постановка вопроса об идей-

ной работе в наши дни не случайна. Перед нами стоит задача переделать сознание людей. Мы строим коммунистическое общество, и ученые нашей страны в этом строительстве должны играть огромную роль. Борьба за самую передовую в мире науку должна быть делом чести советских ученых.

В. К. Соколова (Институт этнографии). Тов. Кузнецов правильно указал, что фольклористы оставляют основные проблемы науки в стороне. У нас постоянно цитируются высказывания Ленина о фольклоре, но они не развиваются в наших работах, им не следуют фольклористы в своем анализе народного искусства. Нельзя зачеркивать или замалчивать большую работу, проведенную советскими фольклористами. Но нельзя закрывать глаза и на то, что усвоение метода марксизма-ленинизма идет очень медленными темпами. Еще не преодолена косность, стремление работать старыми методами. Попрежнему слишком большое место уделяется анализу отдельных сюжетов, мотивов, выяснению их книжных источников, выискиванию параллелей и т. п. Все это, конечно, нужно, но все это хорошо и нужно, когда это подчиняется основной задаче: вскрытию идейного содержания произведения. А вот исследование идейного содержания, анализ художественных образов, в которых это идейное содержание выражено, занимает у нас подчиненное место или вообще выпадает. Основные проблемы советской фольклористики не ставятся. Это пренебрежение к теории, к марксистской философии и делает возможным появление такой работы, как работа проф. Проппа, о которой здесь очень много говорилось. В течение февраля сектор фольклора с большим опозданием, правда, под давлением дирекции (это факт тоже весьма знаменательный) провел обсуждение работ В. Я. Проппа, П. Г. Богатырева и методологии Веселовского. Казалось, что эти работы различны и по методам, и по материалу, и по задачам, которые исследователи ставили перед собою. Между ними на первый взгляд как будто мало общего. Но почти все выступавшие здесь совершенно справедливо отмечали основные пороки этих исследований: абстрактность, формализм, полное игнорирование идейного содержания произведения, его национальной специфики. Художественное произведение произвольно расчленяется, из него вынимается самое основное,—его живая душа; остаются мстивы, сюжетные схемы, функции, которые служат предметом изучения. Все эти исследования по существу антиисторичны, так как они вырывают явление из конкретной исторической обстановки, которая это явление порождает. В «Исторических корнях волшебной сказки» В. Я. Проппа собственно нет истории. Так же внеисторична «Историческая поэтика» А. Н. Веселовского. Снимает историю функционально-структуральный метод П. Г. Богатырева. Очевидно, что если исследователь не стоит на правильных философских позициях и не владеет методом исторического материализма, он неизбежно приходит к антиисторизму и формализму. Между тем вплоть до настоящего времени в учебниках и лекциях пропагандируются ошибки Веселовского. Мы все повинны в этом. Как что-то безоговорочно правильное преподносится теория первобытного синкретизма Веселовского, его взгляды на психогенетический параллелизм и многое другое. Все эти положения стараться примирить и поставить рядом с взглядами Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина на происхождение искусства и не замечают, что они не совместимы. При изложении взглядов Веселовского им не дается надлежащей критики. Например, не указывается, что Веселовский был сторонником теории создания героического исторического эпоса господствующими классами и считал, что народ только искажает эпос (см. не только поздние работы Веселовского, но и лекции начала его деятельности). Веселовский снимает проблему создания исторических песен, потому что им в его концепции нет места (см. рецензию на кн. П. Вейнберга об исторических песнях). Для Веселовского сюжеты существовали «над жизнью». Сюжеты развивались сами по себе и порождали сюжеты. Идейность произведений оставалась в стороне. Надо покончить с апологетическим отношением к Веселовскому, надо бороться с пережитками его взглядов, сохраняемых в работах современных ученых.

Обсуждение основных недостатков и задач советской фольклористики, проведенное в Институте этнографии, имеет очень большое значение. Оно окажет благотворное влияние на нашу работу. Проведенную дискуссию нельзя рассматривать как какую-то проходящую кампанию. Мы должны постоянно и уже без опозданий, без каких-то толчков извне давать отпор всем попыткам проташить враждебную нам буржуазную методологию, мы должны критически относиться к наследству, оставленному нам русской буржуазной фольклористикой, и ко всему тому, что мы делаем; мы должны показать громадное теоретическое значение работ революционеров-демократов, работ А. М. Горького, что, к сожалению, до сих пор не было сделано. Нужно, наконец, поставить задачу создания марксистской истории русской фольклористики. Это задача большая, она не может быть выполнена в короткий срок и одним лицом, но ее надо поставить уже сейчас и приступить к ее выполнению. Дискуссия наша может положить начало этому. Надо, наконец, не формально, не путем применения отдельных цитат, овладеть методом марксизма-ленинизма, раскрыть смысл и характер русского фольклора, как того требовал В. И. Ленин, показать огромное историческое значение русского фольклора.

С. А. Токарев (Институт этнографии) в своем выступлении указал, что критика и самокритика являются основной ведущей силой в строительстве нашей культуры, в частности в научной работе. Подвергая критике работы А. Н. Веселовского, В. Я. Проппа, П. Г. Богатырева и других ученых, исследователи выясняют

ошибочные положения и указывают пути преодоления их. Далее С. А. Токарев остановился на работах А. Н. Веселовского. Расценивая деятельность Веселовского как буржуазного позитивиста, С. А. Токарев, однако, не дал надлежащей критики его работ. Интересно и правильно было замечание С. А. Токарева о связи теории первобытного синкретизма Веселовского с положениями Леви-Брюля о первобытном мышлении, о законе сопричастия. С. А. Токарев также указал на одну из причин некритического отношения советской науки к Леви-Брюлю и А. Н. Веселовскому. Их работы были почти безоговорочно приняты Н. Я. Марром и его учениками-лингвистами (см., например, работу А. П. Рифтина «Основные принципы построения теории стадий в языке»), создававшими новое учение о языке. Авторитет этих ученых, которые дали очень много важного и ценного в своих исследованиях и разбили основы буржуазной лингвистики, мешал развертыванию критики Веселовского. Перейдя к рассмотрению работ В. Я. Проппа, С. А. Токарев подчеркнул, что проф. Пропп старается найти новые пути исследования, но в сущности не выходит за пределы формализма. Профессор Пропп ищет исторические корни сказки, но смотрит на этот исторический процесс сквозь формалистические и идеалистические очки. Этнографическим материалом В. Я. Пропп овладел плохо и безоговорочно принимает даже Фробениуса. Об обрядах и верованиях Пропп имеет довольно смутное представление. Остановившись на функционально-структуральном методе, С. А. Токарев, разбирая книгу П. Г. Богатырева об обрядах Закарпатской Украины, указал, что этот метод отрицает исторический подход к фольклору и этнографии. В заключение С. А. Токарев указал: «говорить о каком-то особом функциональном методе это значит противопоставлять его историческому методу. Мне кажется, в советской фольклористике существуют две главные опасности, с которыми надо бороться: одна — это идеалистический формализм, другая — антиисторический функционализм».

Б. И. Шаревская (Московский государственный университет). Выступавшие товарищи совершенно правильно указывали на связь работ В. Я. Проппа с концепцией Леви-Брюля о дологическом характере первобытного мышления. Глубина идеалистического падения Проппа может быть раскрыта разбором взглядов Леви-Брюля. Леви-Брюль в своих работах также рассматривает сказки, которым Пропп посвящает свое исследование. По Леви-Брюлю, сказки это «дезафективные мифы». Это неверно. В своем большинстве сказки непосредственно с мифами не связаны; сказки эмоционально насыщены, но эмоциональность не носит религиозного характера. Сказки порождены не бессилием дикаря в борьбе с природой, а наполнены то любовным, то ироническим отношением к людям, к животным, ко всей природе в целом. Леви-Брюль стирает грань между мифами и сказками и заявляет, что это близнецы, порожденные одним и тем же первобытным мышлением. Это ошибочное положение В. Я. Пропп принимает и развивает в своих работах. Принимает он и теорию дологического мышления Леви-Брюля. Леви-Брюль разрывает сознание человека и считает, что в нем существуют «две структуры»: одна «дологическая» (*prélogique*), другая — логическая. Сферой дологической структуры Леви-Брюль считает коллективные представления, по его утверждению господствующие у людей первобытного общества и вытесняемые (но полностью не искореняемые) в цивилизованном обществе. Весь фольклор Леви-Брюль относит к коллективным представлениям (ср. у Проппа статью «Специфика фольклора»). Рядом с фольклором он помещает первобытную религию, отрываемую им от поздних форм религии и называемую «дорелигией». Леви-Брюль обобщает возникновение религии и художественного творчества и тем стирает грань между художественной фантазией и религией. Отводя фольклору место только в сфере «дологического» и мистического, он утверждает, что с развитием общества фольклор должен исчезнуть. Религию он делит на «дорелигию» и «настоящую религию», лишая тем самым ее единой специфики: веры в сверхъестественное (по Леви-Брюлю, для «коллективных представлений» нет грани между сверхъестественным и естественным). Концепция Леви-Брюля опровергается всей историей человечества, всей историей культуры. Но эта концепция принимается В. Я. Проппом и кладется им в основу работы. Леви-Брюль в течение своей жизни углублял и развивал свои положения. Он отразил сдвиги, которые произошли в буржуазной науке за последние десятилетия. Великая Октябрьская социалистическая революция приблизила одних ученых к материализму, других, наоборот, заставила отшатнуться в сторону идеализма. Несмотря на то, что Леви-Брюль субъективно дружелюбно относился к Советскому Союзу, он был в числе тех, кто стал типичным идеалистом. В предсмертной работе, не переведенной на русский язык, Леви-Брюль подвел итоги своей работы, изложил свое кредо и заявил о своей теории уже не как о рабочей гипотезе, а как о завершенной концепции. Он провозгласил приоритет вымысла над реальным миром и заявил, что этот вымысел был источником всей культуры. «Мистический сыт», по Леви-Брюлю, «сыграл благотворную роль в истории духовной культуры человечества». Леви-Брюль не хочет видеть, что развитие духовной культуры, прогресс мышления и познания на всем протяжении истории человечества как раз протекали в ожесточенной борьбе разума, основанного на реальном положительном опыте, с опытом «мистическим». Теория Леви-Брюля выступает против основного положения марксизма: материалистическое мировоззрение означает обязательное понимание природы такой, как она есть.

Естественно, что современная буржуазия подняла на щит теорию Леви-Брюля,

и независимо от того, хотел он того или нет, фашисты использовали положение о дологическом мышлении, вырывающее непроходимую пропасть между дикарем и цивилизованным человеком. Теория Леви-Брюля дала квазинаучную базу человеконенавистническим рацеям империалистических хищников об умственной неполноценности остальных племен и империалистических хищников. Вот в какой лагерь попадает, сам того не желая, В. Я. Пропп, провозглашая теорию Леви-Брюля научной истиной. Ведь именно теория Леви-Брюля, по личному признанию матерого ренегата и пресмыкателя Андре Жида, помогла ему «понять поведение африканских негров» (см. А. Жид, Путешествие в Конго). Теория первобытного мышления Леви-Брюля служит человеконенавистническому расизму и неприемлема ни в целом, ни в частностях для советских ученых: она противоречит фактам и вследствие этого легко используется в реакционных целях (следует отметить также, что Леви-Брюль в ряде случаев однобоко и неверно использует источники, — см. например, использование материалов западноафриканского народа ашанти из книги Рэттрея и другие данные). Безоговорочное и некритичное использование теории Леви-Брюля В. Я. Проппом и другими учеными в значительной мере было обусловлено тем, что до сих пор эта теория не подвергнута надлежащей критике, и проблема первобытного мышления не разработана нашими философами, психологами, фольклористами, лингвистами и этнографами. Неразработанность вопроса оказала вредное воздействие и на очень интересную диссертацию Л. О. Резникова и на его статью «К вопросу о соотношении языка и мышления» (журнал «Вопросы философии», 1947, № 2). Л. О. Резников не дает достаточной критики взглядам Леви-Брюля, но к его работам и к ссылкам на его примеры обращается охотно. Такое отношение к работам Леви-Брюля пользы не приносит, а может только повредить науке. Так же недостаточно критично подходит к концепции Леви-Брюля и Равдоникас в своем университетском курсе «История первобытного общества». Чл.-корр. АН СССР Равдоникас признает и принимает такие понятия, как «коллективные представления», как закон сопричастия. Он принимает концепцию Леви-Брюля о происхождении фольклора и ряд других положений. Равдоникас и Пропп в сущности стоят на одних позициях, и позиции эти уходят в идеологически неприемлемую для нас концепцию о дологизме первобытного сознания. Работа Равдоникаса так же, как и другие работы, стоящие на этих позициях, должна быть подвергнута критике.

Л. Г. Бараг (Белорусский гос. университет, г. Минск) в своем выступлении указал на порочность теории Веселовского о первобытном синкретизме как древнейшей форме искусства. С этой теорией связан весь эволюционизм Веселовского, противоречащий действительному развитию творчества. Критика Веселовского в нашей науке началась давно, но она не была развернутой и достаточно принципиальной. Одной из задач советских фольклористов является критика всего научного наследства и, в частности, критическое рассмотрение вопроса о соотношении коллективного и индивидуального в народном творчестве. Коллектив и индивидуальность, говорит Л. Г. Бараг, выявляются в диалектическом единстве, причем ведущим является коллективное начало. Это забывают многие фольклористы, отождествляющие мастера фольклора с писателем. Важной задачей является выяснение нового качества современного фольклора. До сих пор еще очень сильны традиции Веселовского, а отсюда непонимание сущности совершающихся в фольклоре процессов. В своем дальнейшем выступлении т. Бараг остановился на критике взглядов А. Н. Веселовского и функционально-структурального метода П. Г. Богатырева и полностью присоединился к оценке его, данной С. А. Токаревым, но в ряде замечаний о функции, форме и содержании и по другим вопросам т. Бараг не был достаточно принципиален.

В. Н. Белицер (Институт этнографии). Выступавшие товарищи правильно указывали на недостатки в работе фольклорного сектора Института. Основное внимание в его работе сосредоточивалось не на идейном содержании произведений народного творчества, а на изучении формы, мотива, стилистики, биографии мастеров фольклора. Главное подменялось частностями. Очень мало затрагивалась в работе фольклорного сектора проблема фольклора как исторического и этнографического источника. Мировоззрение народа не раскрывалось анализом фольклорных произведений. Между тем фольклор имеет огромное значение как этнографический и исторический источник. Работы фольклорного сектора явно носили печать формализма. Споры о «внешней и внутренней форме» (высказывания т. Барага), о борьбе мотивов, употребление терминов, часто лишенных всякого содержания или затемняющих это содержание (см. функционально-структуральный метод проф. Богатырева), несомненно являются неизжитыми отголосками формалистического литературоведения 20-х гг., возглавлявшегося тогда В. Б. Шкловским и В. М. Жирмунским. В наше время такой формализм звучит глубоким анахронизмом. Формализм в работе фольклорного сектора был одной из причин непосещения этнографами его заседаний. Руководство фольклорного сектора не содействовало сближению этнографии и фольклора, а наоборот, стремясь дать литературоведческий и формалистический уклон фольклористике, отдаляло их друг от друга. Фольклорный сектор Института этнографии должен являться органической частью этого Института, быть ближе к этнографической тематике, и его работа должна стоять на высоком идейном уровне. Особо следует остановиться на суждениях П. Г. Богатырева о пережитках. П. Г. Богатырев отрицает их существование. Это является отрицанием борьбы нового и старого в народном быту.

Отрицание пережитков влечет за собой неправильную оценку многих еще существующих в быту явлений, утеравших свое первичное значение, и ведет к искажению действительности. Вопрос о пережитках делается особенно значительным благодаря связи его с изучением современности и оценкой явлений быта современного города и деревни. Среди этнографов еще имеются неправильные взгляды на изучение современности. Такие взгляды приводят к умышленному и неумышленному искажению действительности в этнографических работах. Несмотря на то, что в настоящее время все реже встречаются этнографы, занимающиеся исключительно пережиточными формами быта, и вопрос о том, что должен изучать этнограф, должен ли он акцентировать внимание на современном быте, уже не является дискуссионным, вопросы современной культуры в этнографических работах занимают еще небольшое место, а при полевых исследованиях на изучение современности не обращается должного внимания. В результате получается, что в научных отчетах и статьях вместо реальной жизни описываются явления, уходящие или давно ушедшие, а новые формы хозяйства, семейных отношений и общественной жизни затрагиваются слабо. Таким образом, нарушение пропорций искажает действительность. К этому присоединяются и объективистские тенденции в фиксации фактов. Факт отмечается без указаний на то, является ли он массовым, только нарождающимся или отмирающим. Не выясняются причины его появления и бытования. Такое положение дела должно быть определено как следы позитивистских методов в этнографической работе, с которыми следует решительно бороться. С. П. Толстов правильно неоднократно указывал на то, что этнографы и фольклористы часто рассматривают «функцию» предмета и при этом теряют самый предмет. Предмет в его прямом и реальном значении исчезает при надуманном теоретизировании и однобоких искажениях. Показательны в этом отношении, например, работа Н. П. Гринковой «Очерки по истории развития русской одежды» и исследования А. К. Супинского, посвященные женской белорусской одежде. В этих работах, как и в ряде других, происхождение одежды, в частности пояса, поневы, сводится исключительно к магии; они изображаются «оберегом», — и при этом оказывается забытым прямое практическое назначение одежды. Не является ли упорное искание магических основ одежды, полотенец, различных предметов домашнего обихода и всего прочего стоголосом тех же порочных концепций, которые легли в основу исследований В. Я. Проппа и П. Г. Богатырева? Видимо, в некоторых работах этнографов и фольклористов имеются общие ошибки, с которыми надо бороться. В заключение В. Н. Белицер высказала пожелание о создании пособия-программы для местных работников, где должно быть показано, что такое этнография и как собирать этнографический материал.

Б. И. Богомолов (Академия общественных наук). Решение ЦК нашей партии по идеологическим вопросам и в особенности последнее решение об опере Мурадели дают развернутую программу для развития всего нашего советского искусства, всей нашей советской науки и в том числе советской науки о фольклоре. Перед советской фольклористикой открывается широчайшее поле деятельности, выдвигаются новые большие и очень ответственные задачи. Она призвана сыграть очень важную роль в деле дальнейшего развития народного творчества нашей страны, в деле коммунистического воспитания нового советского человека, в борьбе против пережитков умирающей, разлагающейся буржуазной идеологии. Однако выполнение этой роли невозможно без преодоления в среде советских фольклористов еще очень сильных пережитков — и методологических и теоретических, — сохранившихся от буржуазной и даже дворянской фольклористики. За последнее время в нашей печати и особенно в стенах Института этнографии АН СССР развернулась критика этих пережитков. Эта критика раскрывает, насколько они живучи, какое большое место они иногда занимают в работах отдельных наших фольклористов. Не случайно во всех выступлениях здесь, на Ученом совете, большое, может быть, даже основное внимание уделялось критике ошибок, относящихся к методологии, критике формализма, объективизма, поверхностного, безидейного освещения народного творчества. Методологические ошибки ведут к ошибкам идейно-теоретическим и политическим. Поэтому критика методологических основ той или иной ошибочной работы должна быть неразрывно связана с критикой ее идейного содержания. Иначе сама она будет носить формальный характер и не будет действенной. Недавно вышла книга Г. А. Самарина «Патриотическая тема в песенном творчестве русского народа», явившаяся его кандидатской диссертацией и изданная Киргизским филиалом АН СССР под редакцией А. В. Позднеева. Самарин подходит к политическим важной теме с формалистических позиций. Автор совершенно беспринципен в выборе источников. В книге перемешаны подлинно народные произведения с песнями не народными по своему идейному содержанию, песнями в духе казенного, монархического патриотизма. Г. Самарин рассматривает материалы в исторической последовательности; но подлинного историзма в его книге нет, так как автор не понимает особенностей исторического развития нашей страны в прошлом и настоящем. Тема патриотизма понята Самариным формально, и поэтому в книгу включены и действительно патриотические произведения и произведения антипатриотические по своему существу. Самарин в своей книге все время имеет в виду какой-то абстрактный патриотизм, лишенный конкретно-исторического и социального содержания, и не видит принципиальных особенностей советского патриотизма как патриотизма нового

типа. Автор даже не приводит полностью Сталинский тезис о советском патриотизме. Между тем этот тезис должен был быть положен в основу содержания книги. Крупные ошибки допущены т. Самариным и в характеристике патриотизма русского народа в дооктябрьскую эпоху. Г. А. Самарин трактует его так же, как его трактовали представители официальных кругов николаевской эпохи и славянофилы. По Самарину получается, что идеология самодержавия и православия была русской народной идеологией. В книге идеализируются цари и князья, а русский народ изображается как народ-богоносец. Г. А. Самарин ставит знак равенства между патриотизмом и оборончеством, сочетая их с мыслью о единстве всех слоев народа в прошлом. В книге совершенно не рассматривается вопрос революционной борьбы нашего народа, тогда как она имеет богатейшие традиции и является ярким выражением подлинного патриотизма. Судя же по положениям, выдвинутым в книге, классовая борьба была явлением антипатриотическим. Это больше, чем искажение истины. Самарин в книге все время акцентирует патриотизм крестьянства; патриотизм рабочего класса им игнорируется так же, как игнорируется пролетарский фольклор. Это происходит потому, что пролетарский патриотизм никак не укладывается в концепцию Самарина. Возмутительна цитация классиков марксизма в книге Самарина. Цитаты из Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина даны так, что в ряде случаев совершенно искажаются их мысли (например, цитаты из «Крестьянских войн в Германии» Ф. Энгельса, цитации высказываний И. В. Сталина о патриотизме). Книга Г. А. Самарина — безусловно вредная. Издательство Киргизского филиала АН СССР сделало большую ошибку, выпустив ее в свет. Необходимо в печати дать развернутую критику ошибочных научных и политических положений т. Самарина.

М. Г. Левин (Институт этнографии). На проводимом обсуждении проблем фольклора закономерно соединена критика работ А. Н. Веселовского, В. Я. Проппа и П. Г. Богатырева. Несмотря на то, что рассматриваемые работы различны по темам, по приемам анализа, все они имеют нечто общее. Их роднит между собой внеисторизм — точнее антиисторизм, который предопределяет и частные ошибки исследователей. П. И. Кушнер в своем выступлении правильно указал на глубоко порочное понимание В. Я. Проппом генезиса и истории. По концепции проф. Проппа, существует особый генетический метод и особый исторический метод. Книга Проппа «Исторические корни волшебной сказки» написана методом генетическим, выдвинутым им как явным последователем эволюционизма. Из генетического метода и эволюционизма вытекают и типологический схематизм Проппа, и его формализм, и другие ошибки. Это не новое явление в науке. Эволюция или история, генетика или историческое развитие — те две сосны, между которыми блуждала буржуазная этнографическая мысль; она, в силу своей буржуазной ограниченности, не могла преодолеть те противоречия, какими была скована. Для эволюционной школы было характерно, что общая линия развития отдельных явлений строилась вне конкретной истории. С этой школой органически связан типологический метод, искажение и смещение исторической перспективы, так как не конкретная история, а общая линия развития лежит в основе работ этой школы. Как реакция на это господствовавшее в этнографии направление появилась школа так называемых культурных кругов, — школа также антиисторическая. Все ее сторонники принципиально отрицают исторические закономерности. Проф. Пропп не выходит за пределы буржуазных этнографических концепций. Он не сумел сформулировать то единственное правильное положение, какое дает нам метод исторического материализма, согласно которому эволюция не отрывается от истории и общие законы развития формулируются на основании изучения конкретной истории. Книга проф. Проппа явно построена в плане эволюционизма, конкретная история из нее выпала. Тот же эволюционизм очень характерен для А. Н. Веселовского и его школы. В этой редакции концепция эволюционизма сочелась с доведенной до крайности теорией заимствования. В. И. Чичеров совершенно правильно указал, что для всего направления школы Веселовского типичен формализм, который в данном случае является закономерным следствием неправильного разрешения общего методологического вопроса: эволюция или история? Так же антиисторичен функционально-структуральный метод. Совершенно ясно, что основные положения этого метода, где функции выступают как внеисторические категории, как некая сущность, которая трансформируется вне связи с историческим развитием общества, где каждая функция выступает как самостоятельный ряд развития, — все это, конечно, никак не может быть примирено с историческим исследованием культурных явлений.

Вопрос об антиисторизме в исследовании в наши дни приобретает особую остроту. Мы боремся за подлинную историю, за понимание исторического смысла явлений. Мы в этом противостоящем основным воинствующим направлениям буржуазной (особенно американской) этнографии, которые на своем знамени написали борьбу с историзмом (психологическая школа Америки, функциональная и другие школы), отрицают возможность исторического подхода к этнографическому материалу. Проблемы историзма имеют одинаково большое значение для фольклористов, этнографов, лингвистов. Несомненно, что дискуссия, которая развернулась по вопросу о фольклоре, не пройдет мимо сознания и практической работы этнографов. Результаты дискуссии скажутся и будут плодотворны.

М. Г. Рабинович (Институт истории материальной культуры). Фольклор

является ценнейшим материалом для исторического, археологического и этнографического исследования. Опыты использования фольклора в исторических работах можно найти в работах Забелина, Городцова, Грекова и других крупнейших ученых нашей страны. Введение фольклора в круг исторических источников должно было бы стать одной из задач фольклорного сектора Института этнографии. Но, как показал опыт докладов гг. Корзухиной, Рыбакова и Окладникова, постановка вопроса о привлечении фольклорных источников для исторических построений встречала отрицательное отношение со стороны некоторых фольклористов. Из выступлений последних следовало, что фольклор не может быть использован и привлечен в качестве аналогии с конкретным археологическим и историческим материалом, поскольку существуют сюжеты, параллельные у ряда народов и приурочиваемые к разным эпохам. Опыты исторического анализа делаются фольклористами применительно к современному фольклору. Такое ограничение историзма в фольклористике неправильно. Надо обратиться и к традиционному фольклору, для того чтобы в дальнейшем историк с большим правом могли в своих работах использовать народное творчество. Это работа трудная. Нельзя прямо, непосредственно переносить в исторические исследования упоминания тех или иных сюжетов или предметов материальной культуры в фольклоре. Но так же нельзя и отказываться от попыток исторического осмысления фольклора и от использования его в специальных исторических работах.

А. В. Позднеев (Библиотека Отделения общественных наук АН СССР) в своем выступлении признал справедливость критики Б. И. Богомоловым книги Самарина «Патриотическая тема в песенном творчестве русского народа», которую он редактировал. Далее т. Позднеев остановился на теории А. Н. Веселовского. Признавая правильной критику позитивизма и буржуазного объективизма Веселовского, А. В. Позднеев все же совершенно неосновательно пытался реабилитировать некоторые его положения (теорию первобытного синкретизма и пр.).

Н. Д. Комовская (Союз советских писателей). Совещание по вопросам фольклора создано Институтом этнографии чрезвычайно своевременно. Книги, выдвинутые для обсуждения, выбраны совершенно правильно. Книга проф. Проппа показывает, как не должен работать фольклорист. Эта книга порочна и тем не менее она издана Ленинградским ордена Ленина университетом, в котором В. Я. Пропп учит студентов, воспитывает аспирантов. Проф. Пропп толкает молодежь не на тот путь, по которому она должна идти. Выступавшие товарищи совершенно правильно указали на основные недостатки книги Проппа. Сказки надо изучать, исходя из конкретной действительности, которая их порождает. Не делая этого, В. Я. Пропп проводит анализ, не имеющий никакого научного значения. Среди задач, стоящих перед советской фольклористикой, одной из самых значительных является задача собирания и изучения современного народного творчества. Институт этнографии в декабре 1947 г. организовал всесоюзное совещание по фольклору Великой отечественной войны. Прочитанные на совещании доклады были разнообразны, и некоторые из них не удовлетворили присутствовавших. В докладе о проблематике фольклора Великой отечественной войны не было упомянуто решение ЦК по журналам «Звезда» и «Ленинград» и ничего не говорилось о задачах, которые встают перед нами в период мирного послевоенного строительства. Современный фольклор обращает наше внимание на вопрос жанров. В настоящее время приобрел особенно большое значение жанр устного народного рассказа, который возник из старой побывальщины. Устный сказ в наше время отличается от довоенного — и по композиции, и по своему морально-художественному значению, и по художественности образов. Кроме устного сказа, на фронтах во время войны возникли новые формы устного народного творчества — «Партизанская присяга», новые виды песен. Перед фольклористами стоит задача их изучения. Необходимо больше внимания уделять проблеме современного фольклора и ставить его изучение на твердой методологической основе. Надо дать ряд исследовательских работ, освещающих основные вопросы советского фольклора, и надо, наконец, создать новое сводное пособие по фольклору для всех, кто им интересуется. Неотложной задачей является также собирание и изучение послевоенного фольклора. В этой области почти еще ничего не сделано, а время не ждет. Фольклористы обязаны идти в ногу с современностью.

Заключительное слово С. П. Толстова. Проведенное совещание по фольклору проделало довольно внушительную работу: оно длилось 3 вечера, в течение которых высказалось 18 человек, как работников нашего Института, так и представителей всесоюзной научной общности, как фольклористов, так и этнографов. Подавляющее большинство выступавших товарищей подняло большие принципиальные вопросы, поставило их остро, принципиально. Перед нами прошла развернутая критика современного состояния нашего фольклорного фронта. Было заострено внимание на серьезных ошибках и недостатках в работе наших фольклористов, были намечены пути преодоления этих недостатков. Дискуссия вращалась вокруг ряда тем, вокруг ряда присведений последних лет и более раннего периода истории нашей фольклористики. Работа Проппа, работа П. Г. Богатырева, работа Самарина и некоторые другие, упоминавшиеся попутно, взгляды Веселовского, — все это было подвергнуто в выступлениях детальному разностороннему анализу. В результате проведенной работы картина становится достаточно ясной. Мы должны признать, что в развитии советской фольклористики было сделано много того, что необходимо для преодоления

буржуазных теорий в области фольклора, теорий как отечественного, так и зарубежного происхождения. Но, несмотря на большие достижения советской фольклористики, несмотря на острую теоретическую борьбу, которую она имеет за своими плечами, все же недостатки еще очень значительны и проявление их сейчас, в послевоенные годы, симптоматично; к фольклору в значительной степени относятся указания, данные в постановлении ЦК ВКП(б) о работе на идеологическом фронте и выступлениях т. Жданова, которые отмечали известное ослабление марксистской критики, известное успокоение, характерные для некоторых кругов наших работников в послевоенный период. Ясно, что взгляды революционных демократов, Плеханова, в особенности Ленина, Сталина и Горького на народное творчество, на фольклор еще недостаточно освещены многими нашими фольклористами. Это вскрылось не только в раскритикованных на нашей дискуссии печатных работах фольклористов, но и в процессе самой дискуссии, ибо нельзя обойти молчанием, например, выступление т. Позднеева, внесшего необычайную путаницу в те вопросы, которые, казалось бы, уже прояснились в процессе творческого обсуждения, протекавшего в течение трех дней. Нельзя также причислить к лучшим выступлениям и зачислить в актив дискуссии выступление Л. Г. Барага, также чрезвычайно путаное и ведущее нас во многих положениях назад. Если П. Г. Богатырев и склонен был пересмотреть некоторые теоретические позиции прошлого, то это нельзя признать достаточным; мы не видели все-таки в его выступлении правильной марксистской оценки существующих положений, правильных взглядов на перспективы дальнейшего нашего развития, дальнейшей нашей работы. Мы живем сейчас в очень напряженные, суровые дни, когда мир разделен на два лагеря — лагерь демократии и лагерь реакции. Это не может не повести к необычайному обострению идеологической борьбы. Враг наступает на идеологическом фронте и наступает активно. Достаточно обратиться к работам, издаваемым за границей, чтобы убедиться в этом. Показательной может быть эволюция английского этнографического журнала «Мэн», который еще в 1944—1945 гг. — в годы войны — проявлял интерес и дружеское отношение к работам советских ученых, а теперь занимает явно враждебную позицию в отношении советской науки и культуры. Мы не можем поэтому относиться спокойно и к тому, что представители нашей советской науки, твердо стоящей на позициях марксистско-ленинской методологии, на позициях большевистской партийности в науке, допускали неkritическое отношение к буржуазному наследию, — безразлично, зарубежному или отечественному, ибо из того факта, что тот буржуазный кладезь, из которого они черпают свою премудрость, нашего российского происхождения, еще не следует, что этот кладезь не соединяется подземными ходами буржуазной идеологии с современной реакцией. И так оно и есть. Не надо забывать, что в конце концов при огромном разнообразии буржуазных течений в области этнографии и в области фольклора все они все же объединяются единой классовой базой, на которой они развиваются. Мы видели во время нашей дискуссии, как перекрещиваются и переплетаются друг с другом казалось бы совершенно противоположные точки зрения субъективных взглядов авторов, как эволюционизм, миграционизм (теория заимствования), и, наконец, противостоящие им обим современные функционализм и психологизм. Поэтому нельзя спокойно отнестись к высказыванию т. Позднеева о научном наследстве Л. Н. Веселовского. Веселовский представляет собою буржуазного ученого-позитивиста или в переводе на более точный язык — идеалиста. Концепция его для нас неприемлема от начала до конца. И попытки найти у Веселовского какие-то линии соприкосновения с марксизмом абсолютно безнадежны. Я не вижу этих линий, как ни пытался это показать тов. Позднеев. То, что у Веселовского можно найти в нескольких местах упоминание о борьбе классов, абсолютно ничего не значит. Если так рассуждать, то можно считать близкими к марксизму каких-нибудь Тьера, Гизо или других представителей французской историографии середины XIX в. Упоминание о классовой борьбе можно сейчас прочитать в любой буржуазной, самой реакционной работе, ибо мимо этого факта не может проходить, конечно, современная буржуазная наука. Видеть в этом какое-то огромное достижение Веселовского, какие-то линии соприкосновения с марксизмом — значит не понимать самого главного. Не надо забывать, что Веселовский был современником марксизма. И тот факт, что марксистские идеи остались для него чуждыми, что Веселовский единственный раз в своих черновых материалах (не в опубликованных работах) и то из вторых рук упоминает книгу Энгельса «Происхождение семьи...», достаточно ясно показывает, что речь идет не о какой-то ограниченности этого очень эрудированного ученого, не о том, что у него не дошли руки до марксизма, а о том, что он не считал для себя нужным познакомиться с основополагающим сочинением по тем вопросам, которым в «Исторической поэтике» и в других работах отводится огромное место, — по вопросам первобытной истории. В его лице мы имеем такого представителя буржуазного эволюционизма, которому марксизм был враждебен.

Книга Проппа получила здесь достаточно единодушную оценку. Следует остановиться на одном вопросе, который недостаточно был освещен на нашей дискуссии, хотя немного был затронут в дискуссии на секторе фольклора: это отрицание Проппом существования сказки у первобытных народов. Это невежественно и антинаучно и представляет собою еще один аспект, еще одну дорогу, которая ведет к расистским взглядам. Народы, стоящие на первобытно-общинной ступени развития, имеют

богатейший красочный фольклор, накопленный тысячелетней историей, необычайно ценный с художественной точки зрения и не являющийся элементом ритуала или составной частью религиозной мифологии. Это известно достаточно хорошо всякому этнографу. Пропп апеллирует к этнографам, которые должны его защитить от фольклористов. Я думаю, мы здесь, в стенах Института этнографии скажем, что этнографы не позволяют Проппу клеветать на народ.

Надо так же сказать еще и по поводу этой пресловутой теории первобытного синкретизма, которая тесно связана с теорией мышления Леви-Брюля. Представление об единстве, о нерасчлененности религиозного действия и различных видов, словесного и музыкального искусства, которое лежит в основе «Исторической поэтики» Веселовского (и находит свое отражение у Проппа, переключаясь со взглядами Леви-Брюля) — это же чисто искусственное построение, не подтвержденное никакими фактами, это схема, и схема, не соответствующая действительности. Мы прекрасно знаем, что религия, как специфическая форма идеологии, использует на всем протяжении своего исторического существования самые разнообразные средства воздействия на массы, в том числе в очень большой мере средства художественного воздействия. Это было, есть и будет до тех пор, пока будет существовать религия. Так называемого «синкретизма», если хотите, гораздо больше в поздних формах религии, чем в ее ранних формах. Но значит ли это, что искусство есть часть религии? Конечно, нет. Что искусство возникает и развивается на почве религии? Конечно, нет. Сказать так — это значит перевернуть вещи на голову. Это в одинаковой мере относится и к первобытным народам. Мы знаем массу объективных показаний этнографов, из которых следует, что первобытным народам свойственна и лирическая импровизация, ничего общего не имеющая с религией, и различные формы художественной сказки, героических повествований, все, что хотите, — т. е. у самых примитивных народов, которые известны этнографам, мы уже встречаем богатство почти всевозможных жанров искусства, вовсе не выступающих в виде какого-то синкретизма. И поэтому надо прямо сказать, что представление о том, будто искусство развивается первоначально, как известная филиалция религии, совершенно неправильно.

В одном из своих выступлений П. Г. Богатырев пытался провести принципиальную грань между функционально-структуральным методом и функциональной школой Малиновского. Наша дискуссия показала, что такой грани провести нельзя. Из того факта, что П. Г. Богатырев не собирается делать из своих теорий какие-то империалистические выводы, отнюдь не следует, что в теоретическом плане его взгляды не соприкасаются со взглядами наиболее реакционной, наиболее активной из современных зарубежных буржуазных школ. Суть вопроса, с одной стороны, в воинственном антиисторизме этой школы, с другой стороны, — в попытках рассматривать общество и культуру как систему равноценных самостоятельных функций, на которые разбивается, распадается вся материальная действительность, в антинаучной «теории равновесия».

Здесь уже достаточно говорилось о классовой, политической направленности этой школы. Ее антиисторическая настроенность и вообще усиливающаяся тенденция антиисторизма в буржуазной этнографии и фольклористике не случайны. Дело в том, что подлинный историзм, учение о прогрессивном движении и изменении общества слишком опасны для буржуазии сейчас в последние часы ее истории. Слишком на многие мысли наводит представление о развитии и движении, чтобы это могло быть позволено в буржуазных странах. Подмена подлинного историзма различными антиисторическими теориями с этой точки зрения вполне закономерна, но она недопустима у нас, ибо она искажает действительность, заставляет исследователя терять перспективу, терять чувство нового, терять понимание социального смысла тех явлений, которые подвергаются изучению. Поэтому выводы нашей дискуссии должны явиться решительным осуждением попыток насаждения таких взглядов в нашей фольклористике и этнографии.

Мы должны признать, что выступаем с критическим обсуждением работ с большим опозданием. Прошло уже много времени с тех пор, как вышли в свет обсуждаемые книги. А ведь именно мы — фольклористы и этнографы — прежде всего должны поднять голос принципиальной большевистской критики в вопросе об ошибках и недостатках работ по этнографии и фольклору. Нельзя ждать, что кто-то за нас скажет о наших неполадках. Мы, специалисты, отдавшие науке свою жизнь, должны острее, быстрее всех реагировать на все, что совершается в нашей среде. Мы должны встать во главе критики и самокритики. На проведенной дискуссии нельзя успокоиться.

В результате проведенной работы следует прежде всего пересмотреть план работы сектора фольклора. В его плане стоит очень большая и важная коллективная тема: фольклор Великой отечественной войны. Работая над ней, сектор должен поднять ряд принципиальных проблем. Сектор должен стать теоретическим руководящим центром фольклористики, ибо он — сектор фольклора в Институте Всесоюзной Академии Наук, головного учреждения Советского Союза в области науки.

Помимо этой темы должны быть выдвинуты для разработки другие.

Необходимо провести фольклорные исследования, которые раскроют историю мировоззрения русского трудового народа. Эта работа имеет огромное значение. Фольклор очень сложен: он многостадиялен, содержит разнообразные напластования, разнообразные исторические компоненты. В нем отражена и материальная сторона производства, и политические судьбы, и все стороны жизни народа. Как памятник

народного мировоззрения фольклор является уникальным источником. Тема: фольклор как источник для изучения истории народного мировоззрения должна войти в план работы сектора. Нельзя также пройти мимо проблем ранних этапов истории фольклора, проблем происхождения фольклора и искусства вообще. То положение, в которое эти проблемы завела буржуазная фольклористика и этнография, не может быть изжито, если мы ограничимся только рецензиями и обсуждениями. Необходимо, чтобы сектор фольклора стал центром, объединяющим наших квалифицированных этнографов в работе над этими проблемами.

Наконец, надо ввести в практику нашей работы серьезную последовательную и повседневную критику. Фольклорных работ выходит много. Они должны обсуждаться и рецензироваться. Вместе с тем надо широко развернуть критику современных буржуазных теорий в области фольклора. У нас до сих пор предпочитают критиковать мифологическую школу первой половины XIX в. и не замечать, что на наших глазах в работы советских ученых проникает влияние наиболее реакционных воинствующих буржуазных школ современности. Критика этих школ парализует их вредное воздействие на наших фольклористов.

Мы отдаем себе достаточно ясно отчет в той большой ответственности перед народом, перед партией, которая возложена на нас. Для нас ясно, каким могучим оружием идеологического воспитания народа является фольклор. Поэтому наиболее ответственной является задача правильного освещения проблемы фольклора и участия наших ученых в организации процесса развития советского фольклора. Вместе с тем для нас ясно, насколько важно наше понимание фольклора как продукта творчества трудового народа, отразившего, как в капле воды, всю его славную и богатую историю. И та и другая сторона фольклорных фактов, подлежащих нашему изучению, раскрывает огромные теоретические перспективы, ставит широкие проблемы, и сейчас мы имеем все основания требовать от наших фольклористов, чтобы они шли прямым путем, не теряли ориентации и не сворачивали на боковые дорожки. Единственной путеводной нитью в нашей работе может служить марксистско-ленинская теория. Ею не все еще овладели. Нашим фольклористам нужно серьезно заняться изучением марксизма-ленинизма. Не зазорно никому сесть за школьную скамью и начать изучать его так, как полагается каждому советскому человеку, ибо неисчерпаемо наследство Маркса — Энгельса — Ленина, неисчерпаемо богатство трудов товарища Сталина.

Закрывая совещание, можно сделать следующие выводы.

Мы должны сказать, что наше совещание, с одной стороны, само по себе поможет дальнейшей организации нашей работы, а с другой — явится не последним, и мы не раз еще вернемся к обсуждению больших задач, стоящих перед фольклористикой, и к критике буржуазных теорий, если будет еще иметь место проявление этих теорий и их пережитков у нас в практике фольклористической и этнографической работы. Надо сделать критику и самокритику в этой области фактом нашей повседневной работы.

Что же касается предложений, которые были сделаны в ходе совещания, то они должны быть обсуждены на ближайшем заседании дирекции Института и ряд из них должен быть включен в план работы фольклорного сектора.

В. Чичеров

ДИСПУТ ПО ЗАЩИТЕ ДИССЕРТАЦИИ Я. Я. РОГИНСКОГО

25 февраля 1948 г. на заседании Ученого Совета Биологического факультета Московского гос. университета состоялась защита диссертации на соискание степени доктора биологических наук Я. Я. Рогинским. Тема диссертации — «Некоторые антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека». Работа посвящена одному из наиболее значительных и сложных вопросов антропогенеза, рассмотрение которого требует привлечения не только данных антропологии, но и материалов этнографии, археологии и других смежных дисциплин. Работа представляет собой результат многолетних исследований диссертанта, частично изложенных им в целом ряде его статей. Во введении дана краткая история спора между сторонниками одного и многих центров становления человека, вылившегося сперва в форму борьбы между моно- и полигенизмом, затем, после утверждения эволюционной теории, — между моно- и полифилией и, наконец, в новейшее время, — между моно- и полицентризмом. Основным содержанием работы является исследование, посвященное соотношению современных и ископаемых типов человека. Применен ряд новых методов обработки материала, автор пришел к выводу о том, что «в общем не имеется соответствия между локальными формами древних гоминид, с одной стороны, и современными человеческими расами, с другой. Исключение представляют